

думаетъ, возражать на неправильную мысль. «Подобная запутанность выводовъ — пишетъ помѣщикъ — происходитъ отъ смѣшенія понятій о собственности и пользованіи. На подобной путаницѣ идей *соціалисты, коммунисты, сенсимонисты, прудонисты* и т. п., строятъ свои утопіи»... «Конечно, не таково направленіе гн. Васильчикова — снисходительно замѣчаетъ расхвалившійся помѣщикъ, чтобы вконецъ не загубить князя, — но оно не безъ вліянія, на сознанный имъ самимъ, смутность его собственныхъ мыслей... и т. п.» (стр. 93). Сдѣлавъ всѣмъ, кому слѣдовало, надлежащія внушенія, этотъ, уволенный съ 19-го февраля 1861 года *полиціймейстеръ*, прямо ссылается уже на авторитетъ любезнаго Макиавелли. Расхвалившемуся помѣщику никакого дѣла нѣтъ до того, что со временъ Макиавелли много уже воды утекло; что съ желѣзными дорогами и телеграфами всѣ условія измѣнились радикально; что и Италія стала уже совсѣмъ не такою, какою была прежде. Онъ не замѣчаетъ даже, что и прислуги около него стало меньше, чѣмъ прежде, и обращеніе прислуги совсѣмъ ужъ иное, менѣе *деликатное*. Онъ все себѣ ходитъ взадъ-впередъ по пустымъ pokojамъ и твердитъ: «я васъ всѣхъ въ бараній рогъ согну!» Не замѣчаетъ онъ, что и «Вѣсть» куда-то исчезла съ лица земли и что систематическое изложеніе теоріи, ею проповѣдуемой, въ очень не отдаленномъ отъ насъ будущемъ, удастся только услышать развѣ въ окружныхъ домахъ, воздвигаемыхъ нынѣ для всѣхъ скорбящихъ. 1870 г. № 11.

Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ. 1867—1869 г. Соч. Н. Пржевальскаго. С.-Петербургъ. 1870 г.

Объ Амурѣ и Уссурійскомъ краѣ, составляющемъ южную часть нашей Приморской Области, писано довольно много; но одни сочиненія представляли этотъ край какой-то Калифорніей, которая должна обогатить Россію и сдѣлаться житницей всего Востока; другія, напротивъ, толковали о совершенной безплодности и бесплодности этихъ пустынь. Первые относятся къ тому времени, когда составлялась амурская компанія и мѣстные администраторы употребляли великія усилія, чтобы привлечь колонизацію или заручиться средствами для нея въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ; вторыя же появились въ свѣтъ, подъ вліяніемъ той же администраціи, но послѣ ея неудачныхъ попытокъ колонизировать, и писались, можетъ быть, съ цѣлью оправдать неумѣнье. Только такіе труды, какъ книга г. Пржевальскаго, могутъ сколько нибудь выяснить значеніе странъ, приобрѣтенныхъ Россією по пекинскому договору. Изъ этого сочиненія дѣлается очевидно, что Уссурійскій край и весь Амуръ не представляютъ Эльдorado для быстрого и неминуемаго обогащенія, что только при разумной колонизаціи и усиленномъ трудѣ, опирающемся на выводы науки и на опытъ другихъ народовъ-колонизаторовъ, далеко насъ опередившихъ въ этомъ

дѣлѣ, онъ можетъ принести значительную пользу государству и народу.

Хотя г. Пржевальскій болѣе зоологъ, орнитологъ и ботаникъ, чѣмъ путешественникъ, всесторонне обозрѣвающій страну и ея жителей, но все жъ въ сочиненіи его, характеристика Уссурійскаго края въ естественномъ отношеніи менѣе важна, чѣмъ очеркъ страны въ экономическомъ отношеніи и описаніе состоянія въ ней нашей колонизаціи въ настоящее время. Сверхъ того, что академикъ Максимовичъ, Мосагъ, Будищевъ, даже Черкасовъ (въ «Зап. охот. вост. Сибири») сказали относительно флоры и фауны этихъ мѣстностей, мы находимъ у г. Пржевальскаго очень немногое; о геологическомъ и геогностическомъ строеніи не упомянуто имъ даже ни одного слова, хотя онъ видѣлъ высокіе, обрывистые берега Уссури и ея притоковъ, на протяженіи тысячи верстъ. По этнографіи туземнаго населенія замѣчается также значительный пробѣлъ, несмотря на то, что авторъ жилъ между инородцами по цѣлымъ мѣсяцамъ. Главный интересъ книги сосредоточивается въ описаніи нашей, русской колонизаціи.

Въ топографическомъ отношеніи Уссурійскій край отличается полнымъ преобладаніемъ равнинъ и степей, очень плодородныхъ и удобныхъ для скотоводства и воздѣлыванія хлѣбныхъ растений. Въ мірѣ растительномъ, здѣсь такая смѣсь формъ, свойственныхъ и далекому сѣверу, и далекому югу, какая не встрѣчается нигдѣ въ другихъ частяхъ свѣта и составляетъ отличительную черту только этого уголка Азіи. Величественные кедры и ели обвиваются виноградными лозами, пробковое дерево и грѣцкій орѣхъ растутъ возлѣ лиственницъ и пихтъ въ 100 футовъ вышиною. Въ Уссурійскихъ лѣсахъ водятся бенгальскіе тигры и медвѣди, соболи и антилопы, кабаны и лисицы. Страна лежитъ подъ одною широтою съ сѣвѣрною Испаніей и южною Франціею, и занимаетъ пространство, равное половинѣ нынѣшней Пруссіи, конечно, безъ Эльзаса и Лотарингіи. Климатъ благопріятный и представляетъ множество благопріятныхъ условій для жизни русскаго человѣка. Арбузы и дыни растутъ здѣсь такъ же роскошно, какъ русская капуста, огурцы, яблоки и груши. Отличнаго строеваго лѣса, годнаго даже для кораблестроенія, несмѣтное количество, а сбытъ его въ Китай, страну совершенно безлѣсную, очень удобенъ, потому что кромѣ значительныхъ рѣкъ, изливающихся въ южную часть Японскаго моря, самая Уссури (впадающая въ нижнюю часть Амура) и всѣ притоки ея глубоки, многоводны и не извилисты. Рѣки эти кишатъ рыбою (такъ что неведомъ въ 90 саж. длины нерѣдко случается вытаскивать по 1,400 пудовъ рыбы, за одинъ разъ). Лѣса и степи изобилуютъ пушнымъ звѣремъ, лосями, фазанами и разнородной дичью.

Повидимому, природа сдѣлала съ своей стороны все для того, чтобы колонизація въ этой богатой странѣ, съ населе-

ніемъ по 3 человѣка на 8 квадр. верстъ, принялась вополнѣ. Все здѣсь есть для прочнаго благосостоянія переселенцевъ, и край надѣленъ драгоцѣнными условіями для своего развитія, но... и администрація, взявшаяся за водвореніе русскаго чело-вѣка на дальнемъ востокѣ, сдѣлала съ своей стороны все воз-можное для того, чтобы колонизація потерпѣла полнѣйшую неудачу.

Русскими колонистами обрабатывается теперь 2,350 дес. (то-есть по $\frac{1}{2}$ дес. на душу). И это въ странѣ, гдѣ около 7-ми миллионѣвъ десятинъ плодороднѣйшей черноземной земли! Вотъ все, что сдѣлали съ 1858—1869 г. 5,258 человѣкъ жи-телей обоого пола, поселенные по всему правому берегу р. Уссури, и составляющіе $\frac{5}{6}$ всей колонизаціи. Но посмотримъ, что сдѣлалось въ эти 10 лѣтъ съ самими поселенцами! По словамъ г. Пржевальскаго, они пришли въ ужасное и безъ-исходное положеніе, такъ что лучшею мѣрою было бы, по его мнѣнію, снова переселить ихъ на прежнія мѣста ихъ житель-ства, то-есть за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Уссури.

На стр. 29-й упоминается, между прочимъ, что: «большая часть изъ нихъ не имѣетъ куска хлѣба насущнаго, и каждый годъ, съ половины зимы до снятія жатвы, казна должна кор-мить большую часть населенія, чтобы хотя сколько-нибудь спасти его отъ голода». (Для этого выдается заимообразно по 30 фунтовъ муки въ мѣсяцъ на семью, но такъ-какъ ея всегда оказывается недостаточно, то поселенцы примѣшиваютъ къ ней сѣмяна различныхъ сорныхъ травъ и глину).

«Потомъ (см. стр. 286) съ 1867 года не только начали заби-рать у нихъ хлѣбъ, но стали даже продавать коровъ и лоша-дей,—однимъ словомъ, «выбивать» казенный долгъ, какъ они сами выражались».

Дикари-туземцы изъ манзовъ и племени гольдовъ, стоящіе на самой низкой степени цивилизаціи, но живущіе осѣдло во-злѣ описанныхъ нами русскихъ просвѣтителей востока, благо-дѣнствуютъ сравнительно съ ними. Манзы не только никогда не голодаютъ, но находятъ еще возможность продавать изли-шекъ хлѣба, и всегда имѣютъ запасы его; скота у нихъ такъ-же гораздо болѣе, чѣмъ у русскихъ.

Причины въ высшей степени бѣдственнаго положенія пере-селенцевъ подробно объяснены г. Пржевальскимъ на стр. 280—294. Ихъ слишкомъ много, и потому отсылаемъ чита-теля къ этимъ многознаменательнымъ страницамъ, но пред-упреждаемъ, что на нихъ исчислены причины, лежащія лишь въ ошибкахъ главныхъ распорядителей изъ мѣстной админи-страціи; что же гасается злоупотребленій второстепенныхъ дѣя-телей и ближайшихъ исполнителей,—о нихъ г. Пржевальскимъ не упомянуто ни слова: да оно и дѣйствительно — дѣло лиш-нее! Гдѣ могутъ быть подобныя ошибки, тамъ должны бы

быть и злоупотребленія, соотвѣтствующія имъ по своей громадности.

Кромѣ того, г. Пржевальскимъ упущена изъ виду еще одна изъ главныхъ причинъ нищеты переселенцевъ, а именно тѣ 700% барыша на рубль, которыми купцы, разные аферисты и мелкіе спекуляторы обложили здѣсь бѣдствующее русское населеніе и инородцевъ (см. стр. 30—39) по части снабженія предметами, крайне необходимыми для жизни.

Не правъ также авторъ въ своемъ предположеніи, что «одною изъ причинъ такого положенія поселенцевъ ихъ лѣнь и апатія, развившіяся вслѣдствіе первыхъ неудачъ». Изъ предыдущаго видно, что причины этихъ неудачъ были подготовлены тою же администраціею, и что онѣ не только не были предусмотрѣны ею, но только не устранены ею въ первые годы, но едва-ли замѣчаются и теперь, потому что еще существуютъ поныиѣ. Лѣнь и апатія—не причины, а послѣдствія. Въ нихъ переселенцы столь же мало виновны, какъ и въ смертности, свирѣпствующей теперь между ними, и въ томъ вырожденіи, которое неминуемо ожидаетъ ихъ въ будущемъ, очень близкомъ. Есть, впрочемъ, основаніе предполагать, что если эти переселенцы вырождаются и будутъ болѣе походить на дикарей изъ здѣшнихъ кочевыхъ инородцевъ, то вымираніе ихъ уменьшится или пріостановится. Конечно, цѣль переселенія не будетъ тогда достигнута; миллионы, полученные ради водворенія русскаго населенія на дальнемъ востокѣ, пропадутъ безслѣдно, колонизація сведется къ нулю, и мы увидимъ, что со времени пекинскаго договора въ этой благословенной странѣ прибавилось лишь нѣсколько тысячъ дикарей славянскаго племени. Но тогда сдѣлается, по крайней-мѣрѣ, ясно, что заслуги администраторовъ, которые съумѣли бы разумно колонизировать Уссурийскій край и Амуръ, несравненно выше заслуги государственнаго чловѣка, способствовавшаго присоединенію этихъ странъ къ Россіи.

Когда это будетъ понято, тогда, по всей вѣроятности, перестанутъ задерживать естественное стремленіе въ наши предѣлы отличныхъ земледѣльцевъ, мирныхъ, полезныхъ намъ жителей Кореи, смежной съ Уссурийскимъ краемъ; и изъ этой страны, страдающей теперь избыткомъ народонаселенія (9-ти миллионovъ душъ) и невыносимымъ деспотизмомъ, переселятся къ намъ на Уссури и Амуръ сотни тысячъ, если не миллионы лучшихъ и самыхъ дешевыхъ работниковъ. Въ короткое время въ Ассурійскій край выбѣжало уже до 2,000 корейцевъ, и всѣ они пользуются довольствомъ, хотя казна нисколько не потратилась на ихъ обзаведеніе. Дальнѣйшій наплывъ ихъ, однакоже, нынѣ пріостановленъ, вѣроятно, въ видахъ болѣе легкаго обрусѣнія манзъ и орочей, посредствомъ людей, перевозимыхъ изъ-за 10,000 верстъ, и обращаемыхъ на Уссури въ нищихъ. Это составляетъ совершенную противоположность системѣ коло-

низаціи, принятой сѣверо-американцами, всячески сманиваю. щими корейцевъ и китайцевъ за 3,000 верстъ, только бы пло- дородныя земли не оставались мертвымъ капиталомъ. И намъ слѣдовало бы начать съ привлеченія этихъ драгоцѣнныхъ ра- бочихъ силъ, и расселять ихъ не отдѣльно, а въ однѣхъ ста- ницахъ съ зажиточными, наиболѣе трудолюбивыми и разви- тыми русскими крестьянами изъ малоземельныхъ губерній Евро- пейской Россіи. Одинъ такой піонеръ русской цивилизаціи, не- терпящій нужды въ дешевой рабочей силѣ, свыннувшейся съ естественными условіями страны, былъ бы важнѣе ста нынѣш- нихъ переселенцевъ, и такимъ колонистамъ жилось бы не хуже, чѣмъ нѣмцамъ въ Сарептѣ. Деревушки, получившія громкія названія *Владивостока*, *Золотого Рога*, *Графской* (бѣднѣйшія изъ всѣхъ), вѣроятно, не являлись бы тогда насмѣшкою надъ дѣйствительностью, и не наводили бы на очень грустныя мысли.

Очерки исторіи русской литературы, сочиненіе Г. Карауло- ва. Т. I. (Литература древняго періода и новаго до Пушкина). Изданіе второе. Одесса. 1870 г.

Мы уже имѣли случай говорить о томъ обилии разныхъ кур- совъ по исторіи русской литературы, какое замѣчается у насъ въ послѣднее время, благодаря постоянному запросу на такого рода книги какъ со стороны учащейся молодежи, —обязанной волей-неволей, поглотить всякихъ Цамблаковъ, Фотіевъ, Тре- дяковскихъ *e tutti quanti*, — такъ и со стороны значитель- ной части образованной публики, тщетно ожидающей услы- шать новое слово по интересному и для всѣхъ близкому во- просу объ историческомъ развитіи русской мысли. При этомъ мы замѣтили и капитальныя свойства подобныхъ издѣлій: во- первыхъ, ихъ скороспѣлость, для которой не существуетъ пре- понъ въ видѣ серьезнаго изученія предмета, продуманныхъ взглядовъ и т. п. мелочей; во вторыхъ, замѣчательный поворотъ въ сужденіяхъ отъ Бѣлинскаго и Добролюбова къ Шевыреву, Зеленецкому и Кошанскому. Насколько этотъ поворотъ об- условливается общимъ характеромъ настоящаго времени и на сколько онъ зависитъ въ частности отъ особеннаго направле- нія, принятаго въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ, —надъ этимъ пусть призадумается будущій историкъ русской интеллигенціи; мы же покуда только констатируемъ фактъ, слишкомъ яркій и бросающійся прямо въ глаза. Въ то время, какъ благомысла- щая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сравнительно слабая часть русской прессы хлопочетъ изъ всѣхъ силъ о томъ, чтобы подвести всѣ явленія нашего прошлаго подъ правильныя точки зрѣнія, вы- работанныя современной наукою, освѣтить иначе факты, не- вѣрно истолкованные прежними изслѣдователями, дѣйствовав- шими подъ вліяніемъ старыхъ предразсудковъ и отсталыхъ по- нятій, уже сданныхъ нынѣ въ архивъ, —въ то самое время цѣ-